В двух шагах от рая

Автор:
Наталия Рощина

В двух шагах от рая

Наталия Рощина

Что чувствует женщина, услышав через двадцать лет брака «я ухожу от тебя»?.. На что может толкнуть ее отчаяние и безысходность? Юлии кажется, что ее жизнь окончена. И нет дела до дочери, внука – это словно другое измерение, в котором обманутой женщине больше нет места. Хорошо, когда рядом оказываются преданные друзья. Они помогают выбраться из трясины бессмысленного смакования боли. Так Юлия Щеголева оказывается в косметическом салоне. Здесь она знакомится с Дмитрием Рогозиным – профи, сотворившим себя в память о матери. Она хотела видеть его известным, состоятельным, счастливым – он четко следовал ее желаниям. Правда, пока ничего не складывалось на личном. Ничего серьезного до встречи с удивительной женщиной. Два одиночества, два жаждущих преданности, честности в любви. Но ей непросто позволить себе быть по-настоящему свободной. Даже после того, как муж захотел вернуться и попросил простить его. Даже после того, как она поняла, что не держит на него зла, но и чувств больше нет. Снова выйти замуж? Юлия в растерянности. Хотя, в глубине души, понимает, что после сорока жизнь только начинается.

Наталия Рощина

В двух шагах от рая

Эти глаза не могли обманывать. Сейчас они казались черными угольками, вспыхивающими время от времени. И не обязательно было вслушиваться в смысл произносимых слов. Музыка сердца, звуки, ласкающие слух, мелодия

влюбленных. Он говорил от сердца. Лучи солнца освещали молодое красивое лицо, делая юношу совершенно нереальным. Словно ангел сошел с небес, и этот ангел признается ей в любви. Неужели такое возможно? Она не надеялась, не ждала, что все произойдет так скоро. Должно было случиться, но не сейчас. Наверное, в глазах ее жадный восторг, неожиданная радость смешались со страхом недоверия. Он видит, что она в нерешительности, и берет ее прохладную ладонь в свои, согревает, нежно целует.

– У нас все будет замечательно, – только теперь она начинает различать слова, понимать их смысл. – Мы будем счастливы, неприлично счастливы. Я сделаю все для того, чтобы ты никогда не пожалела о своем выборе. Мы навсегда вместе. Ты чувствуешь это? Тысячи тонких, невидимых нитей прочно связали нас еще в первую встречу. Их не разорвать. Это не удастся никому. Все радости и невзгоды пополам. Нет! Что я говорю?! Я готов принять на себя все горести, только бы видеть в твоих глазах радость, только бы знать, что ты счастлива…

Все происходило на закате, когда оранжевый диск солнца медленно прятался за высокие, темно-зеленые макушки деревьев. Аромат сосен дополнял впечатление сказочности, отрешенности от пыльного, душного города. Река неподалеку отчаянно сверкала мелкой рябью, играя с лучами, мягко скользящими по ее поверхности. Вся природа, казалось, хотела остановить привычный ход времени ради того, чтобы продлить мгновения счастья и восторженности для двух влюбленных. Сейчас они были на островке, вольно очерченном их возбужденным сознанием, где все атрибуты цивилизации отсутствовали, уступив место царству чувств, эмоций, признаний. Яркий свет постепенно терял свою силу, уступая место прохладе вечера. И вскоре только фонари неподалеку делали видимыми очертания близлежащих домов, дороги, автомобилей, прохожих. Никому не было дела до них, до их сплетенных в нежном, осторожном объятии рук. Все проходили мимо, не видя, какое чудо совершается совсем рядом.

– Я не могу жить без тебя. Знаю, что с тобой добьюсь всего. Я достигну таких высот, что тебе никогда не будет за меня стыдно! – его голос срывается от волнения, слова тонут в едва сдерживаемой страсти. – Ты мой свет, только мой! Я люблю тебя, Юлька. Скажи, ты согласна выйти за меня замуж?

Секунды, которые она медлит, кажутся ему вечностью. Его глаза то гаснут, то снова вспыхивают трепетными огоньками надежды. Он едва владеет собой и все смотрит, пронзая насквозь пристальным взглядом.

– Я согласна, Левушка, – наконец тихо произнесла она, и слов больше не нужно. Она видит только чернеющую бездну его приближающихся глаз. Он – погружается в теплые, спокойные воды ее сине-зеленых океанов. Их губы сливаются в поцелуе. Он целомудренный и страстный, долгий, как вечность, в которую они решили идти вместе.

– Юлька, ты видишь перед собой самого счастливого в мире человека, – его чуть грубоватый голос наполнен нежностью. – Скажи, чем он отличается от остальных?

– В его глазах свет, – пожимая плечами, ответила она. – Всем своим обликом он показывает, как ему легко. Такой человек никому не причинит зла!

– Наверное, это главное. Я сейчас люблю весь мир! – Лева подхватил девушку и закружил, смеясь. – Юлька, моя Юлька!

– Поставь меня, пожалуйста, остановись! У меня голова закружилась, – прижав ладони к лицу, она едва держится на ногах.

– Я никогда не брошу тебя. Вот как сейчас – ты можешь смело опираться на меня, доверять. Понимаешь? Это даже больше, чем любовь. Тест на надежность хочешь?

– Нет.

– Боишься?

– Просто не хочу.

– Напрасно. Ты теряешь острые ощущения.

– Ничего, я наверстаю. А пока скажу, что ты всегда умел говорить красиво. Надеюсь, что не было лишних слов. Ты был так убедителен!

– Я надеялся услышать не это. Юлька, для своего нежного возраста ты бываешь слишком приземленной, – слегка разжимая объятия, Лева укоризненно посмотрел на нее.

– Двадцать лет – возраст принятия решений. Нежным он уже никак не может быть.

– Нам уже есть, о чем поспорить, – усмехнулся Лева.

– Тебя это пугает?

– Наоборот. Я знаю, что выбрал умную, хозяйственную, красивую девушку. У тебя очень много достоинств.

– Красоту ты поставил на последнее место, – заметила Юля.

– Хотя она и спасет мир, без толковой головы – ничего не стоит. Это мое мнение. Красоток без мозгов вокруг пруд пруди. Разве можно надеяться провести с ними всю жизнь, состариться вместе, растить детей? – Лева поморщился, закрыл глаза. – Скукотища!

– Ты сегодня философ.

– В двадцать три это непозволительная роскошь, но я не в силах от нее отказаться! Во мне уживается много разных мужчин. И один из них надеется не только философствовать, но и добиться в этой жизни самых крутых высот. Я стану ученым, известным ученым. Ты не против такой перспективы?

– Нет. А какую роль ты отводишь мне?

– Верной спутницы, любимой и любящей жены.

– Кратко, но здорово.

– Хочешь расшифровки?

– Нет. Жизнь покажет.

Лева взял ее за руки, крепко сжал. Юля почувствовала малую толику силы, которую он вложил в это движение. В какой-то момент она подумала, что в

прозвучавших словах слишком много романтики, а реально Леве нужна молчаливая, кроткая, соглашающаяся с его мнением жена. Она должна быть при нем, его детях, его доме. Каждый день радоваться тому, что они вместе. Чувствовать себя счастливой, попадая в отсвет его успехов, удач, славы. О своих амбициях нужно забыть – они ненужное дополнение, рудимент, оцененный в начале совместного пути. Кто знает, может быть, Лев на самом деле станет знаменитым? Он самый способный студент на их потоке, его голова полна идей, и он – их генератор, что не могло укрыться от опытного взгляда институтских профессоров. Красный диплом, аспирантура. Вся его жизнь идет по запланированному сценарию, словно бы не зависящему от его воли. И только выбор спутницы жизни целиком принадлежит ему. Здесь в длинной рукописи пустая страница – белое поле, заполнить которое доверено лично. Он не имеет право на ошибку – поэтому и позволено. Что остается ей? Она любит его, какие могут быть варианты?

– Я надеюсь, что мы не делаем ошибки, – тихо произнесла Юля, прислоняясь к его плечу. Так приятно ощущать тепло его тела под белой футболкой. Мускулы твердые, волнующие, сильные руки ласково обнимают, оберегая от невзгод окружающего мира. Кажется, что не случится ничего плохого.

– У нас нет времени на них, – целуя ее в макушку, ответил Лева. – Жизнь так коротка.

***

Юлия Сергеевна смотрела на свое заплаканное лицо, припудривая покрасневший нос. Она старалась сосредоточиться на движении мягкой пуховки, оставляющей едва заметный, тончайший слой пудры. Но даже «ланкомовской» косметике было не под силу придать грустному лицу выражение радости, счастья. Юлия Сергеевна застыла: для кого она старается? От кого хочет скрыть следы слез? Здесь никого нет, а для себя она этого делать не будет. Рука коснулась аккуратно причесанных, густых шелковистых волос. Осталось приятное ощущение, только брови едва заметно дрогнули: чуть заметная седина удивила их хозяйку. К темно-русому тону прибавилось что-то вроде мелировки, столь модной ныне. В глазах Юлии Сергеевны застыло удивление: «Когда они появились?» Быстрыми движениями женщина принялась укладывать волосы, стараясь скрыть тонкие седые прядки, но короткие волосы упрямо держали свою форму, не желая скрывать очевидное. Устав от безрезультатных усилий,

Юлия Сергеевна бросила расческу на комод, отвернулась от зеркала и обхватила голову руками.

Мир перевернулся. Не стало того, что составляло стержень ее существования. В нем больше не было смысла. Как это могло произойти? Ведь она всегда думала, что в ее семье полное доверие, гармония, взаимопонимание. Так и было, она не могла ошибаться и жить в обмане больше двадцати лет. Она бы обязательно почувствовала фальшь. Наверное, последние пару месяцев она ощущала что-то на уровне интуиции, что-то едва уловимое, вселяющее безосновательную тревогу. Она даже поделилась опасениями с подругой – Надей Андреевой. Но та лишь рассмеялась:

– У тебя кризис среднего возраста, дорогая, – заметила она, прямо глядя Юле в глаза.

– Не думаю, Надюша. Что-то изменилось в наших отношениях, разговорах. Это невозможно объяснить, но у меня душа не на месте.

– Щеголевы, вы самая благополучная пара в нашей компании. Не нужно ничего портить, пожалуйста, – Надя принялась ее успокаивать. – Лева – замечательный муж, известный в научном мире человек. Если бы не крепкий тыл, кто знает, достиг бы он таких высот? Он все это понимает и ценит, поверь. Мой благоверный не раз, между прочим, говорил, как Лева тепло отзывается о тебе. Ты у него на первом месте. Это всем известно. У вас чудный ребенок, как говорят, без проблем. Внук вот-вот родится. Не гневи судьбу.

– Ты так уверенно говоришь… Почему ты так уверенно говоришь?…

Юлия Сергеевна закрыла глаза, снова представляя себя невестой, спускающейся в длинном белом платье по ступенькам дворца бракосочетания. Воспоминания действовали успокаивающе, уносили ее из тревожной, разрушенной реальности. Ей тогда казалось, что она плывет, подхваченная невидимой силой, но вот-вот взлетит – такая была легкость и ощущение безграничного, бесконечного счастья. Она смотрела на Леву, идущего рядом, и не могла представить, что все могло бы сложиться по-иному. Неужели они могли бы прожить друг без друга? Нет, не могли. Потому что он и она – две половинки целого, неразрывного. Не нужны клятвы – все ясно без слов. Почему она так четко помнит те свои ощущения, а когда спрашивает об этом у Левы, он отшучивается, что волновался

слишком сильно, чтобы что-то запомнить.

– Свадьба…Я не помню практически ничего, – улыбаясь, говорил он и сводил брови на переносице, силясь припомнить хоть какие-то детали. – Помню, как подъехали к твоему дому, как подружки выстроили непроходимый заслон. Друзья выставляли на каждую ступеньку бутылки шампанского, а твоя Надя была самой решительной. Она требовала все новых проявлений нашей состоятельности, и мне казалось, что ты живешь не на третьем, а на сотом этаже. Помню, что я только и был способен на то, чтобы глупо улыбаться… Как оказался в твоей комнате – не знаю. Ты показалась мне белым облаком, сошедшим с небес. Я боялся прикоснуться к тебе. Ты взяла меня под руку, и я подумал, что ты обязательно почувствуешь, как я дрожу от волнения. Мне было стыдно, что я – будущий глава семьи, не в силах совладать с этим… Регистрация, ресторан, свадебное застолье – все смутно. Остается только наша первая ночь…

Юлия Сергеевна снова ощутила, как сердце бьется, вырывается из груди. Она покраснела и улыбнулась: она ничуть не изменилась. Смутить ее всегда было легко. Юлия никогда и ни с кем не говорила на сокровенную тему, считая, что это личное – касается только ее и мужа. Это давно считалось несовременным, но Юлия придерживалась собственных правил. Даже с лучшей подругой все ограничивалось поверхностными разговорами. Лева стал ее первым мужчиной. Она надеялась, что и последним. И сейчас она не могла представить, что его место может занять другой. Это было нереально, как если бы утром случился закат, зимой сквозь толщу снега пробились ромашки. В голове Юлии Сергеевны один за другим возникали новые примеры. Но реальность казалась еще более абсурдной: сегодня Лева ушел.

Она заканчивала готовить ужин, когда он зашел на кухню и со странным выражением лица стал наблюдать за ней. Кажется, аромат горячих драников не вызывал в нем привычной реакции. Лев сел за стол, потянулся к пачке сигарет. Он позволял себе курить дома лишь в исключительных случаях. Юлия улыбнулась, вытирая руки о полотенце.

– Что ты, Левушка? Неприятности на работе?

Она знала, как для него важно все, что происходит в его институте. Кресло директора позволяло осуществить планы, вынашиваемые давно, но в тоже время обременяло многочисленными обязанностями, часто совершенно не связанными с наукой. Бумажная рутина и невежественность чиновников больше

всего раздражали мужа. Он требовал ответственности, профессионализма и от своих сотрудников, за что снискал славу бескомпромиссного, порой тираничного руководителя. Но собственная полная отдача делу сглаживала острые углы взрывного характера Льва Николаевича Щеголева. Его уважали, ценили, были рады возможности работать с таким директором.

Юлия Сергеевна знала, что муж частенько возвращался с работы в скверном расположении духа. И причиной тому было очередное выяснение отношений между ним и подчиненным. Щеголев требовал четкого выполнения обязанностей каждым сотрудником, начиная с себя и заканчивая лаборантом, уборщицей. Зачастую он выражался достаточно жестко, мог обидеть человека, а потом страдать от этого. Поэтому, глядя на мрачное лицо мужа, Юлия Сергеевна предположила, что он в который раз сорвался и теперь его съедает чувство вины.

– Опять говорил с кем-то на повышенных тонах? Кто попал под горячую руку на этот раз? – улыбнулась она. – Завтра все станет на свои места, Левушка. Не переживай так.

– На работе полный порядок, – ответил он, покрутил сигаретную пачку в руках и снова положил на стол. – Но только на работе и порядок.

– Ты что-то хочешь сказать? – Юлия Сергеевна насторожилась, сервируя стол.

– Хочу, но никак не решусь.

– Настолько трудно?

– Да, не знаю, с чего начать.

– С главного. Ты ведь знаешь – так проще, – она перемешивала салат из помидоров, пробуя его на соль.

– Хорошо, – муж поднялся, стал в дверном проеме. Напрягся каждый мускул его тела. – Послушай, это очень важно. Я говорю много раз обдуманное. Юля, я ухожу. Я больше не люблю тебя.

В первый момент она подумала, что он ее разыгрывает. Это была не самая удачная шутка и, сдвинув брови, Юлия Сергеевна недоверчиво посмотрела на мужа. Она автоматически развязала узел на фартуке и повесила его на ручке двери. Поправила полы шелкового халата, удивленно подняла брови. Лев не стал продолжать, а просто вышел из кухни. Пройдя за ним в их спальню, Юлия увидела, что на ковре стоит большая черная сумка. Она была очень вместительной – на море, в отпуск они брали с собой именно ее. Юлия Сергеевна снова поймала бесстрастный взгляд мужа. В его глазах не было ничего похожего на потаенную усмешку – он смотрел серьезно, жестко, не отводя взгляд. Он ждал пока до нее дойдет смысл сказанного.

– Я ухожу, Юля, – повторил он, поднимая сумку.

– Когда тебя ждать? – она задала довольно глупый вопрос, учитывая то, что Лев держал в руках не дипломат, с которым обычно отправлялся на работу. Увесистая сумка была явно тяжелой даже для него.

– Прости, но ты говоришь ерунду.

– Я?!

– Да. Не делай вид, что ты ничего не понимаешь. Я слишком уважаю тебя, чтобы продолжать жить в обмане. Это не для нас, согласись.

– Сейчас ты постараешься повернуть все так, будто я должна радоваться твоему уходу, – Юлия Сергеевна нервно повела плечами, удивляясь, что еще способна на членораздельную речь, не лишенную смысла.

– Так и будет, только позднее, – Лев стоял, с силой сжимая кожаную ручку сумки. Юлия загораживала дверной проем. Не отталкивать же ее, а выносить ее взгляд становилось все труднее. – Я сам подам на развод. Так будет лучше.

– Кому?

– Всем нам.

– Ты хочешь сказать, что двадцать лет жизни перечеркнуто? Ты вот так просто выйдешь и закроешь за собой дверь? – Юлия Сергеевна стояла с широко раскрытыми глазами, чувствуя, как горячая волна ужаса с невиданной энергией разрушает ее изнутри. – Я не могу в это поверить!

– Я не могу иначе.

– А что прикажешь сказать Наташе?

– Наша дочь уже взрослая. Я сам поговорю с ней. Это не твоя забота.

– У меня вообще больше нет забот. У дочери своя семья, у тебя скоро будет другая…

– Юля, я еще ничего не решил в этом плане, – Лев шумно выдохнул.

– Значит, ты не уходишь в никуда. Ты уходишь к другой – это разные вещи. Значит, ты не просто разлюбил меня, ты полюбил другую. Она согласна просто быть рядом, рядом с такой блистательной личностью, как Лев Николаевич Щеголев? Она тоже хочет стать его молчаливой тенью?

– Юля, не утрируй. Ты не менее блистательная личность, не нужно так. Прости, этот разговор не имеет смысла. Ты бы презирала меня еще больше, если бы все ушло в несуществующие задержки на работе, командировки… – Щеголев сделал несколько решительных шагов к выходу.

– Она есть или ее нет?

– Это для тебя важно?

– Да.

– Есть. Она напоминает мне тебя. Ту, которую я встретил много лет назад.

– Такая, как сейчас, я тебя уже не устраиваю, – Юлия чувствовала, что еще немного, и она заплачет. Она нашла в себе силы подавить эмоции, отключить их. – Лева?

– Что? – он остановился рядом, глядя поверх ее головы.

– Это не может быть правдой! Значит, теперь ты сможешь жить без меня? Я больше не твой свет? Куда же все ушло?

– Не знаю. Ты всегда ставила меня в тупик своими вопросами. Юлька, Юлька… Не осуждай меня, пожалуйста. Сейчас тебе очень больно, но со временем боль уйдет. Ты поймешь и простишь. Все изменилось помимо моей воли. Это не означает, что я не протяну тебе, Наташе руку помощи в трудную минуту.

– Мы не нуждаемся в помощи, – в голосе Юлии звучала обида.

– Прости. Я должен идти.

– Ты пожалеешь! – обида сменилась угрозой.

– Не думаю.

– Ты захочешь вернуться, но это будет уже невозможно, – она медленно шла за ним, машинально всматриваясь в узор ковровых дорожек. Больше всего на свете ей хотелось повиснуть у него на шее, поцеловать и увидеть, как озорно вспыхнут его глаза. Она до последнего не могла поверить в то, что происходит. – Я не прощу тебя!

– Я не вернусь, – тихо сказал Щеголев и осторожно закрыл за собой дверь.

– А я не пущу тебя больше в свою жизнь, – глотая слезы, сказала она.

Сколько времени Юлия Сергеевна стояла в коридоре, не в силах пошевелиться, она сказать не могла. Очнувшись, растерянно осмотрелась, сдвинула брови и прошептала едва слышно:

– Ничего, ничего…

Она вернулась на кухню, посмотрела на остывший ужин. Пустые тарелки, купленные недавно по случаю годовщины их свадьбы… Она и предположить не

могла, что это будет их последняя годовщина – двадцать лет. Гости, поздравления, щедрый стол… Юлия любила угощать друзей, удивляя их каждый раз новыми рецептами, изюминками, изменявшими, казалось, привычные блюда. Ей нравилось, когда пустели тарелки, бокалы. Становилось шумно, раскованно, весело. Она любила этот праздник, ставя выше только день рождения Наташи. Даже свой день рождения она считала менее важным событием. Юлия Сергеевна знала, что для нее главное – успехи мужа и дочери. Это наполняло ее жизнь смыслом. И так получалось, что ее потребности всегда целиком и полностью были подчинены интересам семьи. Так было заведено с первых дней их совместной жизни. Это казалось Юле абсолютно нормальным. Зачем ей теперь эта свобода, отягощенная горечью неожиданного предательства? Это было самым страшным из того, что ей пришлось пережить. Как же он мог поступить с ней так жестоко!

Юлия Сергеевна выключила свет на кухне, побрела в спальню. Там села на невысокий пуфик у трюмо, медленно повернулась к зеркалу. Дернула тонкую веревочку бра над ним. Яркий свет еще сильнее подчеркнул выражение скорби на ее постаревшем лице. Словно в один миг все мышцы потеряли тонус, обвисли. Им не нужно больше придавать форму. Ей не для кого будет стараться выглядеть молодой, жизнерадостной. Она старалась для мужа, его не стало, а значит, это больше ни к чему. Уголки рта опустились, губы задрожали, исполняя бессистемный, хаотический танец потрясенных нервов. Юлия Сергеевна смотрела на себя, не мигая. Она заметила, как в ее глазах появилось презрение, быстро сменившееся на злость, почти ненависть к этому привычному лицу. Сейчас оно вызвало только негативные эмоции. Хотелось впиться в него ногтями, расцарапать. Она каждый видела это отражение в зеркале, наивно полагая, что оно может нравиться. Она была уверена, что Лева искренен, когда говорил, что у него жена – самая красивая женщина без возраста. Теперь эта фраза казалась ей насмешкой. «Без возраста» – он подразумевал, что она остановилась в развитии? Как была наивной, влюбленной девицей, легко отказавшейся от собственных привычек, желаний во имя великой любви, – такой и осталась. Что означает – дура дурой! И он играл ее чувствами столько лет?

Нет, Юлия Сергеевна резко дернула выключатель. Свет погас, шнурок остался в руке. Она разжала пальцы, наблюдая, как он опускается на ворсистый ковер. Это стало последней каплей. Женщина резко вскочила, одним размашистым движением смахнула все, что стояло на ее туалетном столике, и принялась топтать ногами тюбики с кремами, помадами, флакончики с духами… Пудра разлетелась ароматным облаком, заставив хозяйку закрыть глаза, отмахиваясь от мелких, повисших в воздухе частичек. Спальня наполнилась запахами,

которые, смешавшись, стали навязчивыми, непереносимыми. Последний штрих – разбилась рамочка со свадебной фотографией Юлии и Льва. Крупные осколки стекла разлетелись по ковру, фотография потеряла былое очарование. Юлии Сергеевне показалось, что на нее смотрят совершенно незнакомые лица. В них не было искренности, только улыбка, положенная в такой знаменательный момент. Все с самого начала было гадливо и лживо. Почему она ничего не чувствовала? Юлия Сергеевна схватилась за голову, сдавила ее так, что почувствовала боль в висках. Еще мгновение – и она бросилась к окну, распахнула его. Отпрянув от неожиданно холодного воздушного потока, женщина на мгновение застыла. Потом, часто дыша, она слегка подалась вперед – внизу немногочисленные прохожие, под их ногами шелестят недавно опавшие листья. Там другая жизнь и никому нет дела до того, что происходит в этой спальне.

Одинокие фонари освещали небольшое пространство вокруг, а чуть подальше было совсем темно. Из арки то и дело появлялись новые силуэты. Они спешат домой, в гости. Им было, куда спешить. Юлия Сергеевна закусила нижнюю губу, почувствовала солоноватый вкус крови – никакой боли. Она не ощущала боли после того, как фактически перестала существовать. Осталась оболочка, способная создавать иллюзию жизни. Долго ли она сможет играть эту комедию? У нее никогда не было способностей к лицедейству. Юлия Сергеевна резко отодвинула штору, раскрыла вторую створку окна. В комнате все так же пахло косметикой, потоки аромата и свежести смешивались, повинуясь законам природы. Недовольно морщась, Юлия Сергеевна оглянулась, окинула взглядом обстановку: широкая кровать, балдахин. Она долго вынашивала идею восточного колорита и, наконец, воплотила ее, успев к годовщине их свадьбы, чем невероятно гордилась. Этим летом полы в спальне устлали неброские ковры с восточным орнаментом, стены украсили новые обои, на подставках из слоновой кости появились ароматизирующие свечи в витиеватых подсвечниках, вместо кресел – большие подушки с золотыми узорами на бордово-красном фоне атласной ткани, шторы – такого же густого цвета с большими золотыми кистями.

В тот день Лев вернулся с работы, и Юлия, взяв его за руку, и загадочно улыбаясь, повела к закрытым дверям спальни. Он шел, не сопротивляясь, не задавая вопросов. Все дни она не позволяла ему заглядывать туда. Муж уже удивленно поглядывал на ее расписной шелковый халат и сияющие глаза, а когда увидел совершенно обновленный интерьер, изумленно воскликнул:

– Сказочно! Ты изменила все! А ты сама? Ты все еще Юлия Сергеевна или новая Шахерезада?

– Я всегда остаюсь собой. Мир меняется вокруг меня или я изменяю мир, – она увидела, что ее ответ понравился ему не меньше совершенно обновленного убранства их спальни. Она ясно читала нескрываемый восторг в его глазах. Неужели уже тогда он возвращался после других объятий? Неужели уже тогда он не любил ее, а лишь искусно притворялся?…

Юлия Сергеевна поморщилась: она не сможет вернуться в созданный ею же райский уголок. Она сотворила его во имя их любви, во имя сильного чувства, связавшего их неразрывно. Все эти годы она свято верила в незыблемость их союза. Она снова вспомнила признание юного Щеголева, когда на закате летнего вечера он говорил о своем желании соединить их судьбы. Он был так убедителен, она – так хотела верить всему, что он произносил. Это было похоже на клятву, которую для верности подписывают кровью. Но для влюбленных было достаточно слов. Они имели силу заклятия. Заклятия, способного оживить, вдохнуть живительную энергию, творить чудеса. Теперь все ушло в прошлое. И никогда не забыть ей короткой фразы: «Я больше не люблю тебя».

Это говорил не он. Губы Юлии Сергеевны тронула натянутая улыбка. Ей почудилось! Она просто устала – слишком напряженный ритм жизни, набирающий обороты с каждым годом. Годы бегут, возраст берет свое, и не нужно пытаться обмануть его. Нужно отдыхать, заботиться о себе, любить себя, не растворяться полностью даже в самом близком, самом дорогом человеке. Сколько раз она разговаривала об этом с мамой. Милая мама, она всегда утверждала, что ее дочь нашла свою вторую половинку, но просыпаться и ложиться с именем Левы – это слишком. Юлия кивала головой, соглашаясь, что ее отношение к мужу похоже на болезнь. Может быть, в других странах даже нашли ей название. Но Юлия знала, что не может быть другой, и не хотела излечиваться. Это только сейчас, совершенно неожиданно она поняла, что переборщила. Нельзя было заменять необходимое внимание к себе постоянной суетой семейных забот, волнениями о дочери. Это приводит к тому, что самая высокая любовь может постепенно растворяться в бесконечной череде будней. Самое страшное, что ты не заметишь этого. Ты будешь по-прежнему вариться в собственном графике, в котором нет места отдыху, только желание сделать все лучшее для них, любимых и родных. Им хорошо – и ты спокойна. И только жесткие, жестокие слова заставят взглянуть на все по-другому. И поймешь, что больше нет ничего, что было тебе так дорого. Нет счастья, нет семьи, дети

выросли. Ты остался один на один с пустотой, образовавшейся внутри, вокруг. И что же случилось с твоей любовью? Нечего притворяться, что ничего не случилось! Случилось, и жить с этим больше нет сил…

Холодный осенний ветер очередным порывом ударил Щеголеву своим невидимым потоком. Она чуть пошатнулась, не испытывая ничего, вряд ли вообще осознавая, что стоит на грани, на краю. Женщина словно находилась одновременно в двух измерениях. Она балансировала между прошлым и настоящим. Настоящее было невыносимо, прошлое возвращало в воспоминания, где было двадцать лет безоглядного счастья, омраченного лишь недавними смутными подозрениями, которых Юлия Сергеевна стыдилась, гнала от себя. Она всегда считала, что их не коснется вся эта грязь. Однажды она набралась смелости и поделилась сомнениями с подругой, но легче не стало. Это еще больше укрепило ее в мысли, что они не напрасны. Сегодня она получила доказательства собственной проницательности. Чувство на уровне интуиции, вносящее смуту в душу, часто не без оснований. В ее случае уже поздно, теперь уже поздно что-либо изменить. Слова сказаны, она одна в квартире, а он ушел к другой.

Юлия Сергеевна тряхнула головой и осторожно влезла на подоконник. Порыв ветра распахнул полы шелкового халата. По иронии судьбы она была в том самом халате, поясок которого развязывал Лева, увлекая ее за собой на широкую кровать под сказочным балдахином. Это была близость, о которой она вспоминала, как о чем-то на уровне единения душ. Горели свечи, их аромат заполнял пространство, полы балдахина едва заметно двигались в своеобразном танце. Лева был нежным, предугадывал ее желание, чувствовал ее настроение. Она знала, что так было не всегда, но годы, проведенные вместе, помогли им обоим изучить друг друга, и теперь они могли дарить максимальное наслаждение. Казалось, этому не будет конца.

Юлия Сергеевна не стала поправлять халат, открывающий стройные ноги, плоский живот. Судорожно схватившись за раму, она закрыла глаза: страх высоты всегда действовал на нее отупляющим ужасом. Она лишалась способности владеть своим телом, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. Открыть глаза означало выпасть из окна сразу же. Она уже представляла, как окажется на покрытом золотыми и красными кленовыми, березовыми листьями асфальте. Как над ней склонится чье-то незнакомое лицо. Кто-то попытается прикрыть обнаженную грудь, бедра. Пронзительный крик призовет вызвать «скорую», и за всем этим будет наблюдать отлетевшая к звездным небесам

душа. Ее тело останется безобразно лежать, утопая в багровой, липкой луже растекающейся крови. Оно больше не будет чувствовать боли. Чуть больше десяти метров отделяли ее от картины, которую мгновенно нарисовало воображение. Юлия Сергеевна еще крепче сжала веки. Нет. Она еще не готова. Она не вспомнила о дочери, как же так? Ни одной мысли о ней, единственной и любимой. Как она переживет то, на что решилась ее мать? Наверняка это если не убьет ее, то нанесет непоправимую травму. Бедная девочка на всю жизнь останется с несмываемым клеймом. А ведь Наташе скоро рожать. Юлия Сергеевна представила, как дочь подходит к телефону. Она идет медленно, неся впереди себя огромный живот. Вот трубка прижата к уху…

– Господи, – одними губами произнесла Юлия Сергеевна, – Господи, что я делаю?…

Дрожащими руками она нащупала ручку на раме, собираясь взяться за нее. Пальцы не сгибались – тело перестало повиноваться, оно словно уже находилось в необратимом полете. Нужно было только не дать ему качнуться в сторону бездны. Балансируя, она затаила дыхание и медленно присела, опустила вниз одну ногу. Потом почувствовала мягкий ворс ковра, быстро стала на него обеими ногами. С грохотом закрыла окно, так, что стекла зазвенели, и замерла. Дыхание сбилось, в груди отчаянно болело – боль искала выход, потому что не утихала, а напротив – разрасталась. И ей уже было мало этой женской груди.

Только сейчас она поняла, на что едва не решилась. Щеголева пришла в себя, выскочив из жуткого состояния, когда так легко поставить на всем точку. Ее затрясло. Из глаз полились слезы. Где они были раньше? Она так глубоко спрятала свои чувства, чтобы не показать, насколько уязвлена, что появление горячих слез на застывшем лице показалось чудом. Ей не становилось легче, но она осознавала, что не покинула этот мир. Она оставила себе шанс, единственный шанс продолжать жить на этом свете без него… Она не совершила смертного греха, за который пришлось бы расплачиваться дочери, внукам. Говорят, дети не отвечают за родителей – только не в законах Всевышнего. Наказание никогда не бывает тяжелее, чем человек способен вынести. Так говорила ее бабушка, прожившая долгую, нелегкую жизнь. Она умирала тяжело, веря в то, что выпила всю чашу страданий до дна, не оставив ничего потомкам. С годами, ощущая себя абсолютно счастливой, Юлия думала, что бабушка действительно расплатилась по всем счетам. А минуту назад сама чуть было не совершила непоправимого.

Ноги подкосились. Юлия Сергеевна оказалась на полу, едва находя силы, чтобы смотреть, ровно держать голову. Еще несколько секунд – и она безжизненно замерла, не желая владеть собственным телом. Щеголева затихла. Только что она сдала экзамен на выживание. Но вступать в эту новую, пугающую жизнь Юлия Сергеевна все еще боялась. Она решила, что на время изолируется от всех и вся. Да, ей нужно время, чтобы прийти в себе, вернуться в свое тело. Слишком далеко упорхнула в своем минутном безумстве отчаявшаяся душа. Юлия Сергеевна выдернула телефон из розетки. Потом, подтащив к себе одну из подушек, лежавших на ковре, подложила ее себе под голову, поджала ноги к груди. Закрыв глаза, почувствовала, как тревожно, сбивчиво бьется сердце. Оно отсчитывало удар за ударом, а Юлия Сергеевна вдруг представила, как ему невыносимо тяжело, как оно хочет остановиться. Разозлившись, она несколько раз ударила мягкую, податливую подушку и сказала вслух, всхлипывая:

– Что ж ты не остановилось? Избавило бы меня от страданий и попыток все начинать заново. Ты ведь не знаешь, как это трудно, все начинать заново. Теперь узнаешь…

***

Наташа почувствовала, как в ответ на ее волнение маленький человечек внутри нее несколько раз с силой ударил по стенам своего убежища. Она машинально прижала ладонь к животу и с негодованием посмотрела на отца. Это он своим сообщением совершенно выбил ее из колеи, заставил волноваться.

– Здорово, – иронично произнесла она, сделав несколько глубоких вдохов.

– Рано или поздно ты все равно узнала бы правду, – виновато произнес Щеголев. – Я просто хотел, чтобы она не дошла до тебя в извращенном виде.

– Сама новость звучит извращенно. Тебе не кажется? – Наташа поправила выбившуюся из-за уха длинную прядь волос. – Как ты мог так поступить с мамой? Неужели ты способен бросить ее после всего, что вас связывает?

– Девочка моя, нельзя жить вместе из чувства благодарности. Любви уже нет. Есть уважение, привычка, наконец. Ведь не женятся люди потому, что испытывают друг к другу бесконечное уважение, ведь нет? Они любят. Вот ты

выходила за Севу по любви? Ну, ответь.

– Ты мне еще лекцию прочти на эту тему, – Наташа тяжело поднялась, потирая поясницу. Длинный, широкий махровый халат скрадывал опустившийся в ожидании малыша живот.

– Наташенька, милая, я не знал, что так получиться. Жизнь не просчитаешь от и до. Я никогда не думал, что рядом со мной будет другая женщина.

– Все, стоп, хватит! – Наташа сделала предупредительный жест, всем своим видом показывая, что ее терпение на исходе. – Не хочу это слушать. Спасибо, что поставил меня в известность. Мавр сделала свое дело, Мавр может уходить.

– Зачем ты так…

– А чего ты ожидал, собственно? Благодарности, восторга: «Ах, папочка, я мечтаю познакомиться с той, которая теперь будет стирать твои носки…»

– Наташа!

– Да, это я. Наталья Львовна собственной персоной. И я желаю, чтобы ты покинул мою квартиру. Скоро вернется Сева. Я должна приготовить что-нибудь на ужин. Это должен был быть прекрасный субботний ужин. Ты все испортил! – Наташа схватилась за голову, сжала ладонями виски. – Бедная мама… А я звоню ей вчера, никто не подходит к телефону.

И тут выражение ее лица резко изменилось. Побледнев, Наташа снова опустилась в кресло. В голове мелькнула страшная мысль, которая сразу стала понятна Льву Николаевичу. Он замахал руками, отчаянно пытаясь остановить поток ужасающих мыслей.

– Нет, нет, она не сделала ничего из того, о чем ты подумала, девочка моя! Она – разумная женщина. Не преувеличивай степень ее отчаяния, – произнес он.

– А ты знаешь этот предел?

– Знаю, потому что мы прожили не год и не десять. Мама – трезвомыслящий человек. Она далека от поступков, которые совершаются в состоянии аффекта. Она всегда умела держать себя в руках. Иногда мне казалось, что она зря это делает.

– Ты циничный и жестокий, – поджав губы, Наташа презрительно усмехнулась. – Ловко же ты маскировался. Интересно, как тебе это удавалось?

– Я понимаю, что ты огорчена, и поэтому не обижаюсь на тебя, детка.

– Что ты говоришь? – Наташа запрокинула голову и засмеялась. Сильно располневшая за время беременности, она не потеряла своего обаяния, красоты расцветающей молодости. Щеголев смотрел на нее и сейчас видел в ее лице черты матери, ничего от себя. Тот же овал лица, ровный, четко очерченный нос, губы бантиком с чуть выступающей вперед нижней губой, разрез глаз, мимика… Только цвет глаз и волос от него – все остальное воплотилось, четко повторяя материнскую линию. Даже изгиб бровей, как у нее.

– Наташенька, я действительно пойду. У меня завтра лекция в университете, нужно подготовиться.

– С каких пор ты читаешь еще и лекции?

– С недавних. Я читаю спецкурс для выпускников.

– А твоя пассия не является одной из слушательниц? – прищурив глаза, поинтересовалась Наташа.

– Это не имеет значения, – покраснел Щеголев. – Я не настолько глуп, чтобы это было так.

– Ясно. Надеюсь, она старше меня?

– Ей двадцать три.

– Прекрасно! Наверное, в идеале, ты мечтаешь, что получишь молодую, красивую жену, а я – подружку. Одно поколение, все-таки, как не найти общего

языка!

– Не будем сейчас это обсуждать, – прервал Наташу Лев Николаевич. Он взял дипломат, стоящий на полу у входа. – Все утрясется, и ты поймешь, что на самом деле не произошло ничего сверхъестественного.

– Пусть так, но для начала я прошу тебя запомнить, – Наташа принялась загибать отекшие пальцы. – Во-первых, я не желаю ее видеть, не желаю с ней знакомиться. Во-вторых, не смей появляться здесь после рождения ребенка. Разрешаются звонки по телефону, да и то – не чаще раза в неделю.

– Наташа!

– Ты ведь меньше всего думал обо мне, о внуке, когда решил начать новую жизнь! Чему же ты удивляешься? Мне двадцать лет, и все это время я считалась твоей дочерью, верней была. Так вот, считай, что ты абсолютно свободен от прошлого. Обзаводись новыми детьми, новыми проблемами и жди.

– Чего?

– Предательства.

– С чьей стороны?

– Это к ясновидящей. Я только знаю, что оно обязательно настигнет тебя и с совершенно неожиданной стороны. И пусть тебе будет так же больно, как маме, – закрыв ладонями глаза, Наташа прошептала: – Уходи, пожалуйста, я хочу позвонить маме. Я должна поддержать ее, только какие слова подобрать…

– До свидания, доча.

– Ты живешь у нее? – не глядя в его сторону, спросила Наташа.

– Да.

– Как ее зовут?

– Маша.

– Теперь там твой дом?

– Зачем ты делаешь мне больно? – Щеголев сдерживался, чувствуя, что внутри все клокочет от бессилия. Он не мог сделать так, чтобы дочь поняла его. Пусть не простила, но хотя бы поняла.

– Дом там, где сердце. Тебе это знакомо? – не унималась Наташа. – Это я к тому, что здесь тебе тоже нет больше места.

Лев Николаевич вышел в прихожую, обулся, потоптался возле входной двери пару минут. Он смотрел на себя в зеркало, поправлял узел галстука, смахнул щеткой пыль с туфель. Он тянул время, ждал, что Наташа появится в дверном проеме, и улыбнется так, как только она умеет. Им не нужны были слова. Достаточно было посмотреть друг другу в глаза, и все становилось ясно. Лев Николаевич гордился доверительными отношениями с дочерью. И теперь он потерял их. Навсегда или на время – пока не ясно, но, зная твердый характер Наташи, боялся загадывать. Он вздохнул, открыл дверь.

– Пока, Натала. Не огорчайся, прошу тебя. Все наладится, – Щеголев прокричал это слишком громко для небольшого пространства однокомнатной квартиры дочери. Он будто самому себе пытался доказать, что иначе и быть не может. Он уверял собственное сердце, тонувшее в нахлынувших волнах страсти, что скоро настанет штиль. Скоро, очень скоро наступит покой, которого он лишился полгода назад, познакомившись на улице с перевернувшей всю его жизнь девушкой.

Лев Николаевич шел, задумавшись о предстоящем ученом совете, когда вдруг прямо перед лицом увидел микрофон и улыбающееся молодое лицо. От неожиданности он потерял дар речи, ошарашенно глядя на девушку, оказавшуюся у него на пути. Его мгновенно околдовало это открытое, загорелое лицо. Очаровательная улыбка открывала белоснежные зубы, на одном из которых сверкал маленький бриллиант. Солнечный луч преломился на его граненой поверхности, переливаясь сине-голубым сиянием. Это был последний писк моды – Щеголев знал от Наташи. Она сказала, что обязательно сделает это после рождения малыша. Льву Николаевичу и Юлии Сергеевне это было

непонятно, но спорить с дочерью им не хотелось. Будучи «продвинутыми» родителями, они в лишь крайних случаях были категоричными.

Теперь чудо современной стоматологии оказалось прямо перед Щеголевым. Он слишком пристально присматривался к движениям ее губ. Настолько пристально, что не слышал слов, обращенных к нему. Девушка удивленно подняла брови и помахала рукой перед его лицом. Это привело Щеголева в чувство.

– Простите, – виновато улыбнулась девушка. Она опустила руку с микрофоном, другой поправила короткую стрижку. Даже не поправила, а провела ладонью по жесткому ежику темно-русого цвета. – Извините, вы согласитесь ответить на несколько вопросов? Дело в том, что я провожу социологический опрос. Я редактор развлекательного канала – Мария Пожарская, можно – Маша.

– Очень приятно, Маша. Лев Николаевич Щеголев.

– Так вы не против ответить на пару вопросов?

– С удовольствием, – ему все больше нравилось это чистое, открытое лицо. Он уже никуда не спешил, рассматривая неожиданно вторгнувшуюся в его пространство девушку. – Слушаю вас.

Кажется, Маша осталась довольна его ответами. Почему-то для него это было важно – видеть удовлетворение на ее сияющем лице. Потом она, продолжая задавать вопрос за вопросом, узнала, что он – директор одного из ведущих научно-исследовательских институтов столицы. Ее журналистская хватка сработала отменно. Она взяла Щеглова в оборот и, не давая ему опомниться, предложила приехать на прямой эфир ее программы. Пожарская не могла не воспользоваться предоставленным шансом, а Щеголев, кажется, не был готов к такому повороту. Он почувствовал, что ему не хватает сигареты в руках, вкуса табака – это всегда успокаивало.

– Встреча с интересным человеком – горячая тема на все времена, – подтверждая свои слова, Мария привела несколько примеров, чем привела Щеголева в восторг. Она поставила его в один ряд с личностями, которые были достойны всяческого уважения. Лев Николаевич не показал, насколько польщен, только взгляд его стал еще мягче, теплее. – Так вы согласны?

– Пожалуй, это интересно. Остается четко определить временные рамки, – ответил Щеголев. – Я – человек конкретный, понятия свободного времени для меня не существует. Опоздания, кстати, тоже не мой стиль.

– В этом мы с вами схожи, – улыбнулась Мария. – Если вы любезно согласились, то для начала я должна немного узнать вас. Если возможно – посмотреть ваше рабочее место, поговорить с людьми, которыми вы руководите. И вообще нужно пообщаться. Я ведь буду представлять вас огромной аудитории телезрителей. Просто сказать «А теперь гость нашей студии Лев Николаевич Щеголев» – это не серьезно.

– Возьмите мою визитную карточку, – Щеголев достал из дипломата маленькую визитку и протянул ее девушке. – Здесь все указано: телефон домашний, рабочий, адрес института. Если вы готовы, то уже завтра можете приезжать и позвонить мне с проходной. Я дам указание, чтобы вам оформили пропуск.

– Здорово. Я тоже наберусь смелости и оставлю вам свою визитку – на случай непредвиденных обстоятельств.

– Замечательно. В таком случае они исключаются, потому что мы сможем предупредить друг друга.

– В котором часу мне приехать? – Мария с интересом вглядывалась в лицо своего собеседника. Сегодня ей явно повезло. Такое случается не каждый день. Знакомство стоящее. Зачастую люди такого ранга не соизволят даже остановиться, а этот… – Во сколько лучше, чтобы не слишком ломать ваш рабочий график?

– К девяти.

– Договорились. Тогда до завтра, Лев Николаевич, – Пожарская непроизвольно кокетничала, желая произвести впечатление.

– До завтра, Маша, – Щеголев понимал, что не хочет расставаться с этой милой девушкой. В ее глазах столько жизни, столько неподдельного интереса, энергии молодости. Она находчива, красива, умна – это очевидно. Удивительное сочетание, перед которым трудно устоять. Однако долгие годы Щеголев не

позволял себе замечать это у представительниц слабого пола. Сколько интересных женщин в разное время искали его расположения – он был глух и слеп. Он не нуждался в новых ощущениях, чувствах. Он считал свою жизнь достаточно интересной, полноценной, чтобы обращать внимание на кого-то, кроме Юлии. У него все шло своим чередом, и не было места пустым приключениям, любовным треугольникам. Что случилось с ним на этот раз, весна? Но не первая же в его жизни. Однако Щеголеву показалось, что он нуждается именно в такой эмоциональной встряске. Девушка давно скрылась в потоке прохожих, а он все стоял, вспоминая ее слова, улыбку, жесты. Ему хотелось вернуть ее и начать разговор сначала. Он вел бы себя иначе, более раскованно. Хотя у него еще есть шанс. Щеголев был уверен, что он встретится с Машей еще не раз. Он разрешил себе думать и действовать в этом направлении, приказав голосу разума молчать.

С этого дня, с этой случайной встречи его жизнь перевернулась. Мало сказать, что все в ней изменилось, началась другая жизнь совершенно другого человека, который вдруг на сорок втором году проснулся в Щеголеве. Миру предстал новый Лев Николаевич, интересы, мысли, поступки, слова которого словно принадлежали не ему. Он помолодел, посвежел, стал менее категоричным на работе, дома. Он постоянно находился в приподнятом настроении, физически не мог быть хмурым, раздраженным. Все, что раньше выводило его из себя, теперь вызывало лишь усмешку. Больше не было проблем – они остались в той, серьезной, выстроенной на годы вперед жизни. В том разграниченном, обозначенном и безгрешном исчислении.

Щеголев чувствовал перемены, радуясь и страшась их, потому что их замечал не он один. Юлия стала внимательнее. Ее забота приобрела характер подозрительного беспокойства. Однажды Наташа, как обычно прийдя к ним в гости, сказала, что папа помолодел и вообще здорово выглядит. Это был комплимент и матери, потому что дочь считала ее заботу и внимание главным в этих явных переменах.

– Я всегда говорила, что семейный очаг – мощная сила. Главное, чтобы огонь разгорался не слишком ярко, чтоб не обжигал. Для этого и существует его хранительница – она всегда знает, сколько дровишек подкинуть, чтобы не дать огню погаснуть или опасно запылать. Правда, мам? – с гордостью сказала Наташа.

Юлия Сергеевна не была склонна к такой образности. Она вяло улыбнулась в ответ на тираду дочери, потому что сама не могла разобраться в переменах, происходящих с мужем. Ей казалось, что она не имеет к ним никакого отношения. Лев стал аккуратным, еще более подтянутым, собранным, легким. От него веяло кипучей энергией, которая, как в бездействующем вулкане, спала, а теперь прорывалась наружу только пока без разрушений и катаклизмов.

– Лева, ты действительно изменился, – не могла не согласиться Юлия Сергеевна. – Ты наверняка сам заметил это.

– Да, я знаю, – загадочно улыбаясь, ответил Щеголев в тот вечер.

Он знал и причину этих перемен, но все было слишком неожиданным. Лев не думал, что состояние, охватившее его, надолго завладеет им. Он надеялся, что мужское начало, вдруг яростно и властно заявившее о себе, не отважится на что-то серьезное. Он не представлял, что в его жизни могут произойти глобальные перемены. Все давно сложилось, даже смешно было думать о том, чтобы начинать все сначала. Снова переживать, как в юности, состояние влюбленности? Нет. Щеголев боролся с самими собой. Но время шло, а интерес к невысокой, всегда улыбающейся девушке по имени Маша возрастал. Пожалуй, Лев смутился бы еще больше, узнав, что и она с первых минут знакомства оказалась в плену его обаяния. Ей, молодой, современной, энергичной, показалось, что он и есть герой ее романа. Именно он – личность, умный, талантливый, красивый, наконец. Хотя внешности Пожарская отводила последнее место, потому что за свою недолгую, но бурную жизнь поняла: не красота определяет степень ее увлеченности мужчиной. Она знала, что чувство уверенности и внутренней свободы делают мужчину неотразимым. Все это она видела в Щеголеве. Ни с кем она не чувствовала себя так свободно и, в то же время, скованно. Именно о нем думала она бессонными ночами, понимая, что, наконец, и к ней пришло настоящее чувство. Маша не сомневалась в этом ни секунды. Она не собиралась никоим образом дать понять, что испытывает к Щеголеву не только профессиональный интерес. Однако с каждой встречей это было делать все труднее. Маша старалась изо всех сил, подключая врожденную страсть к лицедейству. Она играла веселую, беззаботную, уверенную в себе девушку, которая просто привыкла выполнять свою работу на «отлично». Лишь наедине с собой она позволяла себе мечтать. Пожалуй, она отважилась бы на первый шаг к сближению, если бы хоть чуточку была уверена в том, что интересна Щеголеву. Он тоже умело играл роль ученого мужа, который просто не может отказать настойчивости молодости. Два лжеца, два мятущихся сердца,

два неуверенных, задавленных собственными комплексами человека. Двое, боящихся признаться даже самим себе, что весь мир с каждым днем теряет для них интерес. Он становится блеклым, невзрачным, скучным. Это уже не мир – мирок. И для полноты счастья, свободного дыхания им не хватает лишь друг друга.

Уже произошла встреча в стенах института. Лев ответил на все вопросы Маши, познакомил ее с несколькими сотрудниками, которые без лишних уговоров согласились рассказать о своем руководителе все, о чем спрашивала эта неугомонная девушка. Пару раз Щеголев и Маша встречались в кафе, и только возвращаясь домой, Лев Николаевич понимал, что они просто общались. Ничего делового, ни слова о предстоящем эфире. Оба были увлечены друг другом. Все произносимое было лишь необходимым фоном действия под названием «любовь с первого взгляда», но ни один не находил достаточно смелости, чтобы открыто признаться в этом. Они говорили о чем угодно, и время летело, заставляя Щеголева вспоминать о том, что дома его ждет Юлия. Он начинал часто поглядывать на часы, и его юная собеседница понимала, что ее время истекло. Пытаясь скрыть разочарование, она спохватывалась, извиняясь, что и без того отняла много времени. Быстрое прощание, и через день-другой или Маша или Щеголев звонили по телефону, указанному ни визитке, чтобы назначить новую встречу.

– Нужно обговорить некоторые детали, Машенька. Это касается будущей программы. Она ведь не должна выглядеть сырой. Вы согласны со мной? – Щеголев удивлялся тому, как легко и искусно он притворялся. Особенно, когда Маша была на другом конце провода.

– Конечно, Лев Николаевич, – она принимала правила игры, трепеща и ликуя. – Когда вам удобно встретиться и где?

Она всячески подчеркивала, что для нее нет временных ограничений. Старенький «фольксваген», на котором она разъезжала по городу, помогал ей быть мобильной, скорой. Маша однажды подвезла Льва Николаевича домой после одной из таких незапланированных встреч. Он был поражен тем, как свободно она чувствует себя за рулем. Как непринужденно разговаривает, успевая следить за перегруженной дорогой. Как прикуривает тонкую, коричневую сигарету на ходу и время от времени виновато поглядывает в его сторону:

– Извините, сигареты – это то, от чего я никак не могу отказаться. Я знаю, что это не украшает, но пока не готова расстаться с сигаретой больше, чем на пару часов.

Он был готов закрыть глаза на то, что не переносит вида курящей женщины. Он даже чувствовал некое возбуждение, наблюдая за тем, как она зажимает сигарету в зубах, отвечая ему на ходу. Она все делала красиво изящно. Щеголева все больше охватывала паника: он хотел и не мог найти в ней изъянов. Он возвел бы в добродетель даже ее пороки, если бы узнал о них. Никто в целом мире не убедил бы его в том, что Маша Пожарская – обыкновенная девушка, дитя своего времени, слегка испорченная его ускоренными оборотами.

Лев Николаевич с улыбкой смотрел на три маленькие золотые сережки, украшавшие ее ухо. Удивительно, но он не видел ничего дурного в этом стремлении выделиться. Он не спрашивал, что это означает, принимая все, как необходимый атрибут стремительного существования Маши. Она была готова отвечать на любые его вопросы и охотно делала это при встречах. Она говорила, что может работать сутками, совершенно не чувствуя усталости, называла себя юным трудоголиком, явно получая от этого удовольствие. Еще она каждый раз подчеркивала, что состояние влюбленности всегда добавляет ей сил. А Щеголев видел в ее словах едва уловимый намек на то, что их встречи могут проходить не только в многолюдных кафе и в любое время суток. Он понял, что девушка деликатно намекает на необходимость изменения характера их отношений. И к моменту договоренности о выходе программы, героем которой должен был стать Щеголев, это произошло. Они словно побывали в ином измерении, в другом исчислении, где кроме их близости больше ничего не существовало. Он и хотел и боялся этого. Мария стала для Щеголева воплощением его юношеской любви. Он вернулся на двадцать лет назад, снова приобретя безрассудство и энергию давно ушедших лет. Он не хотел задумываться над моральной стороной происшедшего, все глубже погружаясь в потрясающие ощущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/roschina_nataliya/v-dvuh-shagah-ot-raya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити